

Поход по тропам Македонского

Магомед ТОЛБОВ

Так мы называли, шпана аульская, поход по хребтам окружающей нас гряды гор. Представляли себя воинами, которые идут брать хутора. Было весело, пока голод не заставлял бежать домой от видения первой же струи дыма, исходящего от очага сакли.

Но бывали и другие походы. Нам было положено весной по школьной программе сопровождать перегон отары овец на летние пастбища, а осенью спустить их с альпийских лугов на равнину. Занимало это трудовое воспитание весной 7 дней и осенью столько же.

Ветренный день, воздух теплый, пахнет весной, скудно зеленеет прикаспийская низменность, устраивают сольные и хоровые концерты вся равнинная живность. Овцы блеют, собаки лают, ишаки орут наперегонки.

Я злился, почему один ишак заорёт, так остальные по очереди продолжают, а у меня транзистор на батарейках (радио) слабо слышно, а говорят такие интересные вещи,

что происходит в мире.

Последний день, последняя ночь перед выходом на дальнюю дорогу, а это 170 км нудных и трудных, а мне всего 14 лет, в следующем году будет 15 лет – опять те же склоны, те же тропы, те же долины, те же вершины и я, маленький такой, босой, худой.

Вот утро, солнце только светит из-за горизонта, освещая небо, а небо синее-синее и вдоль него белая нить, впереди черная точка, а я уже давно узнал, что это летит самолет из Москвы в Баку.

Какие счастливые дети там сидят, живут в красивом городе, летают в тепле, главное – ходить не надо, ноги не мокнут, не мерзнут, и не устают.

Как только отара двинулась вперед, медленно щипля траву перед собой и натываясь друг на друга, бараны имеют привычку держаться кучно, как бы боясь потерять друг друга и заблудиться, я начал вспоминать наставления деда, кто-кто, а он 40 лет возглавлял перегон отар.

Кроме меня и тысячи овец с нами был старший чабан, его помощник и еще один пастушонок с соседнего пятого класса.

Пока это тысячное войско выстраивалось в поход во главе с главным козлом и его семейством, не старший чабан возглавляет отару, а именно этот самый вредный козел. А чабан стоит на склоне и обзирает передвижение отары сверху.

Я спокойно занял место рядом с ишаками, их было трое, навьюченные, один старый, он же опытный – умеет держать груз и шаг, и два молодых – сильные и резвые, их ты и грузил побольше, а старика жалею.

Эта картина была бы не полной, если не учесть собак – их пятеро, только один опытный, он и руководит спокойствием отары. Эта кавказская овчарка, крупная, мохнатая, выносливая – она волкодав, только учуяв его запах, волки обходят отару стороной. Вот главная собака держится рядом с ишаком, он опытный, его еще мама научила, с кем дружить. На ишаке мука, соль, сахар и другие продукты, от него пахнет вкусно, можно спрятаться в тени его силуэта от жгучего солнца.

Вот свистит старший чабан, кому-то ничего не значит, а главная собака знает – значит, появился нарушитель порядка, в отаре беспорядки. Вот старик издал два лая – это сигнал молодым, которые расположились сверху, снизу и сзади отары, чтобы обратили внимание на свист чабана. Что такое?

Чабан продолжает свистеть, да вот уже камень запускает куда-то вперед. Но старая – опытная знает, что это дело серьезное, надо спешить на место происшествия. Если камень чабана летел вперед – это значит, дело в козлах.

И она, не спеша, виляя скрюченным хвостом, как у скорпиона и иногда поднимая безухую голову, виляя меж овцами, идёт туда, куда интуиция, выработанная годами, ведёт ее старые ноги.

Знаете, в отличие от других собак, кавказские овчарки выглядят не красавцами, с отрезанными ушами и скрюченным хвостом, но выглядят как мужественные и суровые рыцари.

Вот они, смутьяны, во главе с главным козлом. Наш старик знает, как надо поступать при таких делах, да и виновный знает, какое последует наказание – так было во все времена.

При приближении собаки козлы насторожено оглядываясь, соскакивают со скал, собираются в кучу и ждут неотвратимого наказания. Да не совсем они

виноваты, козлы не едят с земли, подобно овцам, они кушают с воздуха, срывая свежие лепестки и листья с кустарников и мелких деревьев, иногда забывая, что за ним идёт отара из тысячи овец.

Так козлы могут завести отару близко к краю обрыва и бараны, толкая друг друга, могут сорваться в ущелье.

Собака делает последний рывок к главному козлу, который стоит, как кролик перед удавом, старик слегка покусывает ему заднюю ногу, то есть ляжку.

Козлиная рать строится смиренно, и наступает полный покой в отаре. Но ненадолго. Козлиная память короткая, да впереди еще очень много сочного корма, чего стоит кора стволов деревьев, где есть привкус сахара.

И они опять допускают нарушение общего порядка, опять

наступает наказание и так всю жизнь.

И не смотря на все это, к вечеру все уже сытые добрые и снова отара большая дружная семья до следующего утра.

Наступает ночь. Темнота, кажутся хребты напротив огромными причудливыми животными, вот верблюд, вот медведь, вот волк – у кого какое воображение. Тишина – слышно, как бежит река, перекатываясь с камня на камень, вот филин зловеще ухнул, вот волк завыл, и вдруг всё разом затихает, тишина звенящая.

Вся живность природная и мы улеглись, засыпая крепко-крепко и унося в память, что пережил за день, и готовясь всё начинать с начала с рассветом нового дня.

Жизнь на земле продолжается.
